

Доллар ослабеет, но не сдастся

10.03.2009

В последнее время все чаще приходится слышать мнение, что нынешний кризис отличается от всех предыдущих тем, что носит не циклический, а системный характер. В связи с чем предполагается, что выходом из него будет глобальное изменение мировой финансово-экономической, а возможно и общественно-политической системы. "Утро" продолжает изучать мнения экспертов по данному вопросу. Сегодня мы беседуем с известным российским экономистом, руководителем Экономической экспертной группы Евсеем Гурвичем.

"Утро": Можно ли считать нынешний кризис обычным циклическим или это нечто иное? Если да, то потребует ли это каких-то неординарных шагов по его преодолению?

Евсей Гурвич: Это циклический кризис, только происходящий в новых условиях. Я имею в виду, прежде всего, глобализацию. Она является существенным фактором, которого не было раньше, и придает обычному циклическому кризису глобальные масштабы. Сочетание избыточного спроса в развитых странах, поддерживаемого низкими ставками и внешним финансированием с избыточными сбережениями в Китае и сырьевых государствах, вызвало серьезные дисбалансы в мировой экономике, которые неизбежно должны были привести к кризису. Это, собственно, и произошло, но масштабы превзошли все ожидания, оказались беспрецедентными. Падение рынка ценных бумаг сравнимо только с Великой депрессией. В результате стоимость многих банков и компаний, числившихся в лидерах рынка, стала отрицательной. Таким образом, мы получили сочетание хорошо известных и совершенно новых проблем, сталкиваясь с которыми рынком еще не доводилось. По этой причине нащупать действительно работающий способ выхода из сложившейся ситуации пока не удалось.

В относительном выражении масштабы нынешнего кризиса намного меньше масштабов Великой депрессии, хотя он и превосходит все то, что было после нее.

"У": Как вы относитесь к антикризисным инициативам Барака Обамы? Способны ли они переломить негативный ход событий?

Е.Г.: В настоящий момент существует две основные группы проблем. Одна связана с резким сжатием спроса, другая – с ухудшением банковских балансов и появлением "плохих долгов". Их результатом стала третья проблема, напрямую вытекающая из первых двух: кризис кредитования. Он вытекает как из ухудшения балансов банков, так и из полной неопределенности дальнейших перспектив потенциальных заемщиков.

Первоначально для борьбы с кризисом в США был принят "план Полсона", нацеленный на решение проблемы "плохих долгов". Затем, не доведя его до конца, американцы приняли "план Обамы", направленный на стимулирование спроса. При этом оба плана по отдельности оказались не способны изменить ситуацию, что прекрасно проиллюстрировали фондовые рынки, отреагировавшие на "план Обамы" падением котировок.

И все же один аспект "плана Обамы", я считаю, заслуживает пристального внимания. Он заключается в том, что предусмотрены беспрецедентные меры по повышению прозрачности всей антикризисной кампании. Огромное внимание уделено тому, чтобы трата каждого доллара была максимально прозрачна и находилась под контролем специальных органов и общественности.

"У": Сейчас много говорится о том, что нынешний кризис приведет к смене мировой финансовой архитектуры и другим глобальным изменениям. Согласны ли вы с этим?

Е.Г.: С одной стороны, такое изменение, конечно, необходимо, с другой – не совсем понятно, какая именно финансовая архитектура нам в конечном счете нужна. Здесь требуются какие-то фундаментальные изменения, а не то что просто взять и запретить инвестиционные банки или хедж-фонды. Ведь что произошло? Финансовые рынки, одна из главных задач которых – соизмерять стоимость ценных бумаг и риски, не выполнили своей непосредственной функции. Не

выполнили своей задачи и государственные регуляторы, которые должны были следить за рынками и не допускать излишне рискованных действий их участников, как и рейтинговые агентства, которые не смогли увидеть и оценить эти риски. То есть сбой произошел по всей цепочке. Если мы посмотрим на причины этой ситуации, то поймем, что они распределены во всех областях – от макроэкономической политики до действий тех или иных субъектов. Поэтому финансовому миру предстоит изменить базовые принципы работы всей системы, стимулы и взаимоотношения всех игроков. Пока же представлений, как это можно сделать, нет. Ясно только одно: что поскольку финансовая система стала глобальной, то и регулирование ее должно происходить на глобальном уровне, а не на национальных. Консультации в этом плане уже ведутся в рамках G-20, но для того, чтобы это дало какие-то конструктивные ростки, предстоит проделать очень большой путь.

"У": То есть вы полагаете, что дело идет к мировому правительству?

Е.Г.: Ну, надеюсь, что до мирового правительства не дойдет, но как минимум некое подобие финансового ВТО нам бы не помешало. Существуют же сегодня жесткие правила и ограничения в мировой торговле. Такие же правила должны быть установлены и для финансовых рынков.

"У": Какова в ближайшей перспективе судьба доллара как мировой валюты?

Е.Г.: Я думаю, что доллару не пройдет даром та безоглядная политика, которая проводилась американскими финансовыми властями и до кризиса, и во время кризиса. Однако нельзя забывать, что экономика США продолжает составлять около 20% от мировой. А это значит, что доллар никак не может сойти с мировой арены. Хотя после кризиса его позиции наверняка ослабуют.

"У": Можно ли говорить, что доллар станет исключительно национальной валютой США или он сохранит статус мировой?

Е.Г.: Конечно, доллар останется одной из основных мировых валют, но может потерять статус главной резервной валюты.

"У": Но сейчас уже запускаются предложения о создании новой мировой валюты, например на базе SDR. Насколько это вообще своевременно?

Е.Г.: Я думаю, это все пока фантазии. Такую валюту невозможно создать одним только решением. К ней должно возникнуть доверие, которое создается годами. А сейчас откуда ему взяться.

"У": По какому сценарию, на ваш взгляд, будет проходить выход из кризиса? Кто выйдет раньше, кто позже?

Е.Г.: Раньше выйдут наиболее гибкие экономики, которые быстрее других реагируют на происходящие изменения. Наиболее гибкая и адаптивная на сегодняшний день – американская экономика. Хорошие шансы выйти из кризиса с относительно невысокими потерями есть у Китая. Вполне возможно, что кризис даст дополнительный стимул для маневра, который они давно намечали. А именно – для переключения части своей экономики с работы на внешний спрос на спрос внутренний. Здесь у них огромные возможности. И если им удастся провести этот маневр, то они и повысят уровень жизни своего населения, и укрепят политические позиции, и усилят свою экономику.

"У": Согласны ли вы с тем, что после кризиса дуумвират США и Китая сосредоточит в своих руках мировое лидерство?

Е.Г.: Я думаю, что после кризиса в мире сложатся три полюса: США, объединенная Европа и Юго-Восточная Азия во главе с Китаем.

"У": Есть мнение, что нынешний кризис окончательно закрепит за Россией роль сырьевой державы. Вы разделяете эту точку зрения?

Е.Г.: Не совсем. Я думаю, что кризис дает нам определенный шанс. Кризисы очень болезненны, но чаще идут странам на пользу, чем во вред. Весь мировой опыт показывает, что реформы лучше проводить в хорошие времена, однако реально они всегда проводятся в самые тяжелые периоды. В хорошие времена и так все замечательно, нет никаких стимулов что-то менять. А прибегать к реформам приходится лишь тогда, когда без них уже совсем никак.

В последние годы мы шли по совершенно неверному пути. Ухудшалось качество государственного управления, росла коррупция, государство все сильнее вмешивалось в

экономику, повышался монополизм, ослабевала защита собственности. Несмотря на это, многим казалось, что мы все делаем правильно, поскольку темпы роста были высокими, рос уровень жизни. И у населения, и у властей создавалась иллюзия, что экономика на подъеме. Сейчас эта иллюзия развеялась. Всем стало понятно, что успехи были обусловлены не правильной политикой, а высокими ценами на углеводороды. Понимание этого дает нам шанс изменить прежнюю политику. Воспользуемся мы своим шансом или нет – вопрос. Конечно, от сырьевой зависимости невозможно уйти сразу, но шанс хотя бы сменить вектор развития у нас непременно будет.

"У": Шанс-то будет, а есть ли ресурсы для его реализации?

Е.Г.: Здесь дело не в ресурсах, ресурсы, если надо будет, найдутся. Вопрос в том, есть ли силы, которые будут оказывать достаточное давление на власти, чтобы они изменили политику.

"У": Есть у нас такие силы?

Е.Г.: Гражданское общество у нас почти отсутствует. В качестве такой силы может выступить бизнес. Конечно, если он перейдет от лоббирования своих краткосрочных интересов к осознанию интересов долгосрочных, которые совпадают с интересами страны.

"У": А какой, собственно, к этому интерес у бизнеса? Ведь основная его часть – это крупные полугосударственные компании, делающие прибыль преимущественно на экспорте сырья. Зачем им что-то менять? Что касается мелкого и среднего бизнеса, на него уже давно никто не обращает внимания. Он давно живет сам по себе, как умеет. Как он может на что-то влиять?

Е.Г.: Надо заметить, что сейчас сырьевым компаниям совсем не сладко. Оптимальным путем развития для нас не является создание инновационной экономики здесь и сейчас. Так просто не бывает, это достаточно утопическая цель. Задача состоит в том, чтобы постепенно, шаг за шагом повышать уровень переработки добываемого сырья. По этому пути когда-то шли в прошлом сырьевые страны – такие как Австралия, Канада, Финляндия, – которые выросли во вполне развитые государства. Они шаг за шагом увеличивали глубину передела сырья, приближаясь к созданию конечных продуктов. Так, например, Финляндия начинала с экспорта леса. Потом пошла бумага высшего качества, мебель, деревообрабатывающее оборудование и т.д. И это для нас вполне реалистичный путь, в том числе и для российских сырьевых компаний. Но, чтобы добиться успеха, нужно "всего лишь" полностью переформатировать отношения между государством, бизнесом и обществом.